

НАРОДНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ

Александр Бушев

PEOPLE'S MENTALITY IN THE TWENTIETH CENTURY

Alexander Bushev, Tver State University, Russia

Abstract: *The article shows the potential of folk studies in the 20th century. To develop the ideas expressed by A. A. Korinfsky we discuss several projects. The first project deals with organizing folklore and ethnography conferences for students. An emphasis is laid upon listener's reflection upon traditional culture, its forms and genres. The article highlights the traditional transfer of ethnic cultural values and ethnic crafts. The second project deals with peasant writers' language and texts. The article is based upon the novel of a rural writer, I. Vasiliev. It raises the problem of the specifics of the language of the social group – namely peasants – that is both a stylistic device in his novels and the means leading to understanding people's mentality. Light is shed upon peasantry studies in Russia.*

Key words: *folklore and ethnography conferences in schools, traditional culture, upbringing, cultural transfer, traditions, folk writers, social slang, people's writer, literary text creation, ethnography and history of peasant Russia*

Передо мной книга А. А. Коринфского „Народная Русь“, репринтное издание (Korinfsky 1995). В ней собраны сказания, поверия, обычаи и пословицы русского народа. В ней многогранный автор – поэт, прозаик, переводчик, мемуарист, критик, литературный деятель – выступает в своей ипостаси собирателя фольклора.

Эта книга – плод наблюдений над современным бытом крестьянина-великоросса (кстати, симбирским, поволжским), дополненный изучением материалов по славянской этнографии. В ней часты отсылки к народоведению – социологическим знаниям девятнадцатого века, представленным ныне этнологией и этнографией. Автор отмечает, что Волга наполнила его тетради метким народным словом, поговоркой, отрывками песен, сказок. Здесь он стал знатоком простонародных суеверных обычаев. Здесь и возникает желание написать эту книгу. При этом автор отвечает на следующие вопросы:

„Чем жива народная Русь – в смысле ее самобытности? На чем зиждутся незабываемые устои ее вековых связей с древними, обожествляющими природу прашурами? Какими пережитками проявляется в современной жизни русского крестьянина неумиряющая старина стародавняя? Где искать источников такого неиссякаемого кладезя жизни, каким является могучее русское слово – запечатленное в сказаниях, песнях, пословицах и окруженных ими обычаях? Чем крепка бесконечная преемственность духа

поколений народа-богатыря? Что дает свет и тепло жизни народа-пахаря? Что темнит-туманит и охватывает холодом эту подвижническую – трудовую жизнь, идущую своими заповедными путями-дорогами?“ (из предисловия А. А. Коринфского к книге).

Прошло больше ста лет. Как изменился быт русского крестьянина? Как сказался драматический и трагический опыт деревни двадцатого века на народной душе? Как меняется могучее русское народное слово? Как развивается народоведение? Вот эти вопросы интересны нам сегодня.

Настоящая статья рассматривает несколько проблем связи с современной рецепцией творчества А. А. Коринфского-фольклориста.

1. Проблема текста традиционной культуры

Ее нет у Коринфского. Он, в отличие от Михельсона и Даля, не записывает полные тексты народной Руси. Современник же располагает антологиями русского фольклора во всех его жанрах (Belousov 2004).

Устное народное творчество во всех его формах – пословицы, поговорки, песни, частушки заклички, пестушки, потешки, прибаутки, считалки, колядки, заговоры, рассказы – демонстрирует талант нашего народа. „Начало искусства слова – в фольклоре“, – писал когда-то Горький. И действительно, с детства в стихии родного языка мы купаемся в фольклоре.

Например, фольклорно-этнографические чтения на андреапольской земле в Тверской области посвящены И. И. Смирнову. Иван Иванович Смирнов жил последние годы один, рано ушел из жизни от своих земляков пеновского края, с которыми любил делиться рассказами. Я не мог слышать и не слышал его. Но мне кажется, что я слышу этот голос. Послушайте и Вы:

Я мужик, в мяне лук растет, а в бабах лук ня родится. „Ты знаешь дедовы стихи“. А я говорю, – правильно дед говорил, мамка говорила: „Вставай раненько, сажай темно, чтоб перье было темное, ага, ну и почитай молитву: „Народи, Господи, на всякую долю крященую, для добрых людей и для меня“. Картошку сажаешь – тож говори „Уродись картошечка, крупная в решето, длинная в оглоблину, не пустая, а рассыпчатая“. Спярва добрых людей вспомяни, а потом себя, она и будет родиться. И у меня каждый год от этого, ни от этого, а каждый год картошка – убору нет, нету убору, всягда хорошая. Говорят: „Куда идти? А пойдёмте к Вани за картошкой“. А я, бывает, простота, что раздашь все, а после поглядишь – пусто. Простота, как говорится, хуже воровства. Ну так вот, живу один, а огород содержу на целую семью, ня хочется от людей отстать. Как-то батюшка явился с матушкой, заплавские. Рукам от так плех: „Ох, лихонько, а для кавой-то у вас посажен огород такой?“ А я говорю: „Мой!“ „Ой, Божья Матерь, для чавой-то это нужно вам, Иван Иваныч, вам надо нетельку лучку, нетельку свяколки и все“. А я говорю: „В мяне семья большая, батюшка, прям как у вас. У вас тож там вошь на цапи, блоха на аркане, народу бывает ужаси сколько“. Да, народу в них каждый день тоже вволю... Захмычка у мене такая. Когда уже будет не поднять фунт хмелю, та да уж все, тогда уже конец. Как говорил мой дед

Лука Михалыч, чтоб всякий запас был, чтобы в холодную зимушку было что в зубу поковырять.

Филологическим факультетом Тверского госуниверситета издан очередной сборник, посвященный традиционной культуре Тверской области, куда вошли рассказы И. И. Смирнова (Logunov, Petrov 2015).

Вышеприведенный текст – из записей другого мастера народной песни и рассказчика Сергея Морякова, помещенного в том же сборнике (op cit.) и посвященного памяти Ивана Ивановича, с которым Моряков с удовольствием общался, от которого перенимал песни. Ведь традиция жива, покуда она передается из уст в уста от одного мастера к другому.

На первом этапе работы необходима особая „наслушанность“, знакомство с репертуаром народного рассказчика:

Нонича горазд сильно грибов много было, а ягод во мху тож, что ни кулек, что обору не было. А работа, все некогда, ня выберисьси в грибы-то. Ну как-то улучил момент. Забрался в мох сюда вирах – одни белые, туда вирах – яще больши, ну. Бабы мои поначалу кричали, а потом бросили. Ряшили раз молчит, – уже смылся. А я в лес, а подмасленники все лучше и лучше. Слышу, ба, что-то хряп там в кустах, гыр, гыр, гыр-гыр.

– Мядьведь.! Думаю, что ж это мне делать, – бросать грибы, – грибов жалко, что никлек грибы. Не, говорю: „Господи, помогай“. Полтаблеточки съел, – анаприлину под язык, да, и шаме-шаме, шаме-шаме. И с Божьей помощью ушел. А такая мастинка бальшушшая, ой лихонько ты мое! Вот тебе и грибы, дорогой мой.

Затем возможна работа с уже известными, записанными произведениями устного народного творчества. В сборники включены календарные и семейные обрядовые и внеобрядовые песни, сведения по народному этикету, заговоры (Belousov 2004). И лишь затем учащиеся могут переходить к сбору фольклора.

Параллельно с работой осуществляется рефлексия над местом традиционной культуры в современной культуре, над прагматикой фольклора. Приведем пример рефлексии носителей фольклора над ценностями народной культуры:

Уходят времена. Много мы растеряли – остались одни отголоски. Как справляли раньше праздник! Помню, был еще небольшенький, на самую Троицу, когда венчали коров, взял меня дед в подпаски... Помню, мамаша взяла венок, положила на подойник и через него стала доить, ну прям прелесть! И мы этот венок вешали во дворе и хранили до следующего Духова дня. После его сжигали на своей полосе. В это день собирались вскладчину, в деревне гуляли. Вот был обычай какой хороший! Корове справляли праздник, и никто не напивался. А теперь что? Одно мать-перемать, ой, Боже мой, уходит время, что будет после нас?

Несомненно, что фольклор и образ жизни (этнография) заслуживают живого отношения и должны использоваться при воспитании школьников

и студентов, фольклорные и краеведческие конференции затягивают молодежь в рефлексию над традиционной культурой, ее прагматикой. Несомненно, что отношение к исполнителям и хранителям фольклора должно поменяться: это не карты памяти, не носители реликтовой, ушедшей в историю и помахавшей на прощание рукой культуры, а собеседники, обладающие живым, метким, ярким словом – источником развития языка современного школьника и студента.

Ценен опыт фольклорно-краеведческих встреч в районах Тверской области, приобщение школьников и студентов к интересу народной традиционной культурой, затягивание в рефлексию над опытом фольклора, знакомство с элементами традиционного образа жизни.

2. Проблема народного писателя

К этой проблеме подступался А. А. Коринфский. Он, как известно, дружил с народным поэтом С. Дрожжиным и писал о Дрожжине (Korinfskii 1916). Известно его предисловие к сборнику В. В. Васильева „Русские самородки“ (1916). Уже в то время возникают писатели из разночинцев и из народной среды. Достаточно назвать примеры подлинно народных поэтов Кольцова, Никитина и т.д. Целью этого этапа нашей работы является рассмотрение вопроса о социолекте не только как изобразительном средстве языка, но и как средстве текста, выводящем к пониманию менталитета.

Так, в наших исследованиях по этой теме материалом являются произведения писателя И. М. Васильева (2015). Советский писатель Иван Михайлович Васильев (1902–1937) – уроженец деревни Новое Лукино Вышневолоцкого уезда Тверской области. После революции писатель получил образование в Петроградском университете, затем работал в Москве. В тридцатые годы Иван Васильев опубликовал свои стихи и романы, посвященные родным местам и землякам в непростое для них десятилетие после революции. Эти издания стали сегодня библиографической редкостью, часть их переиздана (2015). Обратимся к тексту книги И. Васильева „В гору под гору“ и посмотрим на его рецепцию глазами современного читателя. События, прошедшим в романе 100 лет, событию написания романа почти 90 лет. Читать его глазами тех читателей, которым он предназначался и тем более глазами представителей той среды, которая описывается в романе, мы не можем, да и не должны. Ушел в историю двадцатый век.

В тексте как художественный прием обращает на себя внимание пласт диалектизмов, стилизации народного неграмотного говора и т.д. – *учителя и другие разные делигенты, поослобоните, хоцца, булыкатыть, матка, не человек ты, а гмыра, официальный корреспондент, ансунуации, пролетарьят, шпиены, мильен, исером стал, ее каргу за монархизму упечь следует, ринягат, не можешь приказывать, опортышей-то на селе подмели, алырничала, поснывалка.*

Это диалектизмы-синонимы (имеют синонимическую в литературном языке) и диалектизмы этнографические (обозначают понятия социальной среды).

При этом ряд понятий и слов сегодня уже не совсем ясны.

Вон Иван Авдеев ступает понуро за **межником**.

Он увлекся пахотой и любовно следил за работой **палицы**.

Для исправных **жихарей** он был бельмом на глазу мрачный, что узнал свою занавоженную зеленую **чоложень**.

Ушли в историю сами сельские профессии: *шинкарка, бондарь, овчинник, вальщик, шорник*.

Диалектизмы – прежде всего средства создания достоверности, средства образности текста. Стилистика ставит вопрос о социолекте как стилистическом средстве, выводящем к пониманию менталитета. Изобразительное средство языка становится средством смыслопостроения.

Сегодняшний читатель имеет возможности интерпретации и понимания смыслов текста произведения.

Смысл Труд

Сразу после Николе начался сев. Ранним утром к яровому полю затарахтели телеги из многочисленных прогонов деревни...

Эти картины достоверны и многочисленны. Труд на земле сакрален, поэтичен. Труд традиционен. „Социокультурные процессы индустриализации мало затронули русскую деревню. В основе российской традиционности и архаичности лежит отсутствие радикальных сдвигов в характере крестьянского труда и общей культуре земледелия“ (акад. Л. В. Милов).

Смысл Революция

Интересует его многое. Как случилась революция – ему все охота узнать. Какая польза от революции этой? Почему разные партии: одни эсеры, другие – большевики?

Эта атмосфера революции, несущей изменения – один из главных смыслов романа. Это отмечается и всеми литературными критиками.

Смысл Антимилитаризм

Этот смысл один из центральных, вспомним о разговорах об идущей первой мировой войне, о роли крестьян как солдат, о дезертирстве. Здесь, конечно, переключка с шолоховским текстом.

Смысл Порядок

Зиновий, худ ли, хорош, – за порядок стоит. А эти пришли народ крещеный мутить.

Отношение к новым порядкам, к агитации, к кружкам и т.д.

Атеизм Революции

Хуже, что Костя везде и всюду стал поносить Бога.
Разносить угодников, Божью мать и самого Спасителя.

РСДРП и ВКП (б) были партией атеистов. Наступление большевиков на церковь известно – аннулирование церковного брака, отделение государства от церкви, передача имущества, публичное вскрытие мощей и т.д.

Показательно, что изъятие церковных ценностей также прошло при полнейшей индифферентности крестьянства к этому вопросу. Не заинтересовал их также и происходящий ныне раскол в церкви.

Конъюнктурный смысл Правоты большевизма

Так вот, встал я на ленинскую точку – большевиком, никто теперь меня не собьет.
Революция перестала казаться запутанной, неразгаданной сказкой.
Но и у нас, товарищи, есть своя сила: российская партия большевиков. И есть у нас свой настоящий вождь – Ленин.
Вот Ленин для нас подходящий пастух.

Вот здесь современный читатель вспоминает то, что изучали по учебникам – социально-экономические преобразования в деревне первых месяцев советской власти, два коренных вопроса о войне и о земле, эсеровская программа и большевистская программа, упразднение помещичьего землевладения и два пути аграрных преобразований на селе.

Острой становится проблема снабжения городов (Пастернак, Неверов). Нормальный товарооборот между городом и деревней нарушился. Красногвардейская атака на капитал деревне. Ситуацию усугубил Брестский мир, Украина оказалась в зоне германского влияния. Задача изъятия продовольствия внеэкономическими мерами. 9 мая 1918 ВЦИК одобрил Декрет „О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей им“. Известны речи Свердлова о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, противопоставление в деревне беднейших слоев кулацким элементам. Создаются комбеды, продотряды, военный коммунизм и нэп. Недовольство крестьян, крестьянские восстания, голод.

Смысл Коренные изменения и участие в них масс

А нас разве спросили? И кто только комитеты разные выбирает!

Уже выделив эти смыслы на основе чтения текста, можно использовать социальную рамку анализа. Перед нами экстратекстовая реальность эпохи 20-х гг. на селе. Массив аграрной историографии очень противоречив, политизирован и влияет на понимание текста И. Васильева, сам текст

не лишен конъюнктурных смыслов, связанных с эпохой его создания. Игнорировать социальную рамку анализа текста И. Васильева сегодняшний читатель не может.

3. Проблематика литературы о деревне

При сегодняшней рецепции текста о деревне ощущаются интертекстуальные переключки – прежде всего Шолохов, Островский, Лавренев, Тренев, Гайдар, Неверов и т.д., в какой-то мере Есенин, Клюев, все крестьянские поэты и писатели, авторы эпопей о жизни деревни в послеоктябрьский период А. Иванов, Г. Марков, П. Проскурин, С. Залыгин („единый текст сибирской эпопеи“, экранизированный, написанный литературными генералами), произведения писателей-деревенщиков (В. Белов и др.) Большинство этих работ появились уже после жизни А. А. Коринфского.

4. Проблематика этнографии, этнологии и антропологии

А. А. Коринфский подчеркивает свое родство не только с собирателями фольклора, но и с народоведами – социологами девятнадцатого века. В веке же двадцатом мы должны указать на тождественную проблематику исследований, поднимавшихся в рамках этнографии, этнологии, антропологии.

References

- Belousov, A. F. (Ed.). (2004). *Fol'klor Tverskoy gubernii*. Moskva. [Белоусов, А. Ф. (ред.) *Фольклор Тверской губернии*. Сборник Ю. М. Соколова и М. И. М., 2004.]
- Korinfskiy, A. A. (1916). *Poet-pakhar'*. Moskva: Tipo-litografiya t-va I. N. Kushnerev i Ko. [Коринфский А. А. *Поэт-пахарь*. Москва: Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1916. 15 с.]
- Korinfsky, A. A. (1995). *Narodnaya Rus'*. Voronezh: Graf Kitezh. [Коринфский А. А. *Народная Русь*. Воронеж: Граф Китеж, 1995. 720 с.]
- Logunov, M. L., Petrov, A. A. (Eds.). (2015). *Traditsionnaya kul'tura Tverskogo kraja: 50-letiyu S. V. Moryakova, 75-letiyu I. I. Smirnova*. Т. 6. Tver: Tver University Press. [Логунов, М. Л., Петров, А. А. (ред.) *Традиционная культура Тверского края: 50-летию С. В. Морякова, 75-летию И. И. Смирнова*: сб. материалов: вып. 6.; сост. Л. М. Концедайло, А. А. Петров. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. 100 с.]
- Vasiliev, I. M. (2012). *Bubny-kozyri. Vyshniy Volochek: Vanchakova liniya*. [Васильев И. М. *Бубны-kozyри*. Вышний Волочек: Ванчакова линия, 2012. 196 с.]
- Vasiliev, V. V. (1916). *Russkiye samorodki. Vstupitel'nyy ocherk A. A. Korifskogo*. Revel': izdaniye S. F. Orlika. [Васильев В. В. *Русские самородки. Вступительный очерк А. А. Корифского*. Ревель: издание С. Ф. Орлика, 1916. С. 118–125.]